

Ульрици Герман

**Тело и душа основания
психологии человека**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Г38

Г38 **Герман У.**
Тело и душа основания психологии человека / Ульрици Герман – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 757 с.

ISBN 978-5-519-78237-1

ISBN 978-5-519-78237-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

началь современной науки и положительными фактами. Для тѣхъ, кого могла бы ввести въ недоумѣніе особенность терминологіи автора и его взгляды на нѣкоторые, предметы, повидимому, идущіе въ-разрѣзъ съ утвердившимися понятіями о душѣ, кромѣ тѣхъ замѣтокъ, которыя сдѣланы, со-стороны редакціи, гдѣ это требовалось, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ книгѣ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что, называя душу *атомомъ*,—именемъ, которое исключительно принято примѣнять только къ предметамъ вещественнымъ, авторъ соединяетъ съ этимъ словомъ тоже понятіе, какое выражается и словомъ *недѣлимое, индивидуумъ*,—а приписывая душѣ *протяженность* или, что тоже, *пространственность*, имѣетъ въ-виду сказать ни болѣе, ни менѣе, какъ только то, что душа, по своей природѣ, *не безграничный духъ*, но существо ограниченное и, по тѣсной связи съ тѣломъ, настолько пространственное, насколько, вмѣстѣ съ тѣломъ, занимаетъ опредѣленное пространство. Духовность же души авторъ утверждаетъ въ самыхъ прямыхъ и недопускающихъ никакого перетолкованія выраженіяхъ. Нельзя не замѣтить, при этомъ, къ слову, что и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ учителей церкви душѣ приписывается нѣкоторая тѣлесность, сравнительно съ совершеннѣйшею духовною природою Вожіею, приписывается именно въ смыслѣ ограниченности,—равно-какъ и по-отношенію къ самымъ духовнымъ существамъ употребляется слово *обла* (тѣло), не въ смыслѣ, конечно, тѣлесности, а въ-смыслѣ ихъ обособленности. Если-бы кто выразилъ также неудовольствіе не замѣтную тяжесть изложенія, тотъ можетъ найти достаточное объясненія такого изложенія у самого автора. Въ концѣ своего предисловія, онъ говоритъ, что онъ избралъ и строгую форму и простой, сколько возможно болѣе, точный, способъ излаганія, требуемый наукой. Редакція, съ своей стороны, считая этотъ, можно сказать, математическій языкъ сочиненія характеристическою чертою изложенія автора, не считала себя въ-правѣ представлять въ своей формѣ мысли автора и тѣмъ выступать за границы обыкновеннаго перевода.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ послѣднее время, появилось такъ много прекрасныхъ сочиненій по психологіи, — напомнимъ только о трудахъ Г. Лотце (H. Lotze), К. Фортлаге (K. Fortlage), И. Г. Фихте (J. H. Fichte), В. Ф. Фолькмана (W. F. Folkmann), Розенкранца, Шаллера, Эссена и др., — что всякая новая попытка въ этомъ родѣ внушаетъ мало надежды. Тѣмъ не менѣе я счелъ себя обязаннымъ представить читателямъ то, что могу, полагая, что я развилъ и основалъ воззрѣніе, которое, — на-сколько самъ могу судить, — быть можетъ, не только ново, но и въ-состояніи пролить нѣкоторый свѣтъ на существо и жизнь души, на ея отношеніе къ тѣлесности, на причину и начало сознанія и пр., облегчить эти предметы для пониманія, и тѣмъ содѣйствовать разрѣшенію психологической проблемы.

Таже тенденція, которую проникнуто мое сочиненіе „Богъ и природа“, проникаетъ собою и настоящій опытъ, потому-что я убѣжденъ, что только она можетъ привести къ цѣли. Мое стремленіе, — *на основаніи данныхъ естественныхъ наукъ, слѣдовательно, на базисъ установленныхъ фактовъ*, построить *идеалистическое* воззрѣніе на жизнь и міръ, т. е., доказать, что душѣ, по-отношенію къ тѣлу, и духу, по-отношенію къ природѣ, не-

только должно принадлежать, но и фактически принадлежить, не одно только самостоятельное бытіе, но также и господство. Съ известной точки зрѣнія, это направленіе обзовутъ дуализмъ и тѣмъ сочтутъ дѣло поконченнымъ. Но меня не пугаетъ ни этотъ упрекъ, ни основанное на немъ сужденіе, потому-что, будь дуализмъ результатомъ строго-научнаго изслѣдованія, то какъ бы это для насъ ни было неудобно, намъ пришлось бы признать его и съ нимъ ужиться. Совершенно устранить его невозможно; напротивъ, онъ въ-сущности содержится въ основѣ всякаго различія; а что такъ-называемыя психическія явленія отличны отъ органическихъ явленій и духовныя отъ натуральныхъ,—это неопровержимый фактъ. Поэтому, рѣчь идетъ только о томъ, приводитъ ли различіе между душою и тѣломъ, между духомъ и природой, Богомъ и вселенной, къ отрицательному противоположенію, къ раздѣленнымъ пропастью „здесь“ и „тамъ“, или оно есть остается только различіемъ, заключающимъ въ себѣ имманентное отношеніе различаемаго. Здѣсь рѣчь о самомъ понятіи различія, о вопросѣ: различіе, а съ нимъ и вѣкоторая различающая первосила, не есть ли такое-же необходимое, первоначальное, вѣчное условіе всякаго бытія, какъ и единство?

Такъ-же мало тревожитъ меня и упрекъ: „односторонній реализмъ, обыкновенный эмпиризмъ, покинутая точка зрѣнія“, — или приговоръ новѣйшихъ оракуловъ философіи, объявляющихъ „старымъ отстоемъ“ все, не соответствующее „подвинувшемуся духу времени“, т. е. ихъ собственнымъ матеріалистическимъ воззрѣніямъ. Это по тому, что фактъ—сила, передъ которою не устоитъ никакое такъ-называемое чистое мышленіе, никакое высокопарное умозрѣніе. Движущемуся впередъ духу времени не удалось еще однако опрокинуть законы логики. Фактъ и строго логическій выводъ, поэтому, все еще обнаруживаютъ могущество, которому не по плечу никакіе приказы, откуда бы они ни шли, и которое даже сможетъ остановить духъ времени и повернуть его на другіе пути. — Но истинное примиреніе реализма съ идеализмъ, къ которому стре-

вится философія, такъ-какъ она стремится къ цѣлому, заключается въ простомъ положеніи: реализмъ есть носитель и органъ идеализма, какъ тѣло носитель и органъ души.

Какъ въ прежнемъ моемъ сочиненіи, такъ и здѣсь, я отказался отъ всѣхъ остроумныхъ выхонокъ, остротъ, антитезъ и комбинацій, равно-какъ и отъ всѣхъ украшеній рѣчи. Искорка истины, новое состоятельное основаніе для мысли, можетъ быть стародавней, по-моему, имѣетъ для науки гораздо болѣе цѣны, чѣмъ цѣлый фейерверкъ того сверкающаго остроумія, которое, послѣ непродолжительнаго блистанья, оставляетъ по себѣ тѣмъ болѣе мракъ. И хотя я и желаю, чтобы моя книга обнаружила нѣкоторую притягательную силу и внѣ сферы философовъ по специальности, но я, однако, не осмѣлился принести въ жертву этому желанію строгую форму и простой, сколь возможно, болѣе точный, способъ изложенія, требуемый наукой. Тѣмъ не менѣе надѣюсь, что, для пониманія моего сочиненія, не представится затрудненій всякому образованному, хотя и не получившему собственно философскаго образованія, читателю.

Г. Ульрици.

Галле, въ Сентябрѣ 1865 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Материализмъ или спиритуализмъ? — вотъ единственная философская задача, разрѣшеніемъ которой еще нѣсколько интересуется наше время. Это, вопросъ *психологическій*, потому что материализмъ простая гипотеза въ томъ-же смыслѣ, какъ и спиритуализмъ, — въ томъ-же самомъ смыслѣ, въ которомъ *вся объясненія* данныхъ явленій болѣе или менѣе основательныя гипотезы. Материализмъ гипотеза психологическая, потому что онъ вовсе не отрицаетъ тѣхъ явленій, которыя до сихъ поръ вообще называли «психическими», такъ какъ онъ и *не можетъ* отрицать ихъ, не отрицая условія *всѣхъ* явленій, основнаго факта *всѣхъ* фактовъ, факта сознанія, а вмѣстѣ съ нимъ и представленія, мышленія, познанія и вѣденія, т. е. не отрицая самого себя, на-сколько онъ самъ все-таки хочетъ быть познаніемъ и наукой. Напротивъ, онъ только хочетъ объяснить психическія явленія, — и это объясненіе сводится къ материализмъ просто на то, что эти явленія не дѣйствія, какъ принимаетъ спиритуализмъ, особой, отличной отъ тѣла и тѣлесности, причины, которую называютъ *душою*, а только обнаруженія нѣкоторыхъ функций (дѣятельностей и силъ), которыя, при опредѣленныхъ условіяхъ, совершаются организмомъ, именно мозгомъ, при содѣйствіи всей нервной системы. Эта попытка объясненія справедливо носитъ имя «материалистической» гипотезы, потому что она всѣ данныя явленія, всякій случай въ природѣ, всякую жизнь, дѣйствіе и страданіе человѣка, хочетъ вывести изъ такъ-называемой матеріи и ея свойствъ и силъ. Такимъ образомъ, материализмъ стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ вопросомъ о бытіи и сущности души, — тѣмъ вопросомъ, на который должна отвѣчать *психологія*. Поэтому, онъ и самъ только видъ психологіи, такъ какъ представляетъ одинъ изъ различныхъ путей, по которымъ идетъ научное изслѣдованіе основы психическихъ явленій.

Этотъ путь неизбѣжно ведетъ къ тѣмъ-же самымъ извѣстнымъ положеніямъ, которыя, чуть-ли не сто лѣтъ назадъ, возбудили мимо-

летное вниманіе и предложены во всеобщее свѣдѣніе въ *Système de la nature* барона Гольбаха, — въ *l'Homme machine* де-ла-Метри и въ другихъ сочиненіяхъ сроднаго содержанія. Новѣйшій матеріализмъ не самобытѣнь ни по содержанію, ни по происхожденію; онъ не можетъ похвастать ни новыми мыслями, ни новыми основаніями. Только необразованнымъ людямъ кажется онъ новостью; вслѣдствіе того, что ловко воспользовались результатами естественныхъ наукъ, которыя, въ послѣднія сто лѣтъ, сдѣлали, безъ сомнѣнія, значительные успѣхи. Поэтому, отъ стараго матеріализма онъ уклоняется только въ формѣ и въ выраженіи своихъ положеній. И для него человѣкъ простая машина; но онъ неохотно называетъ его этимъ отталкивающимъ именемъ, а предпочитаетъ утверждать, что каждое живое существо, а, слѣдовательно, и человѣкъ, никакъ не оживлены какой-нибудь жизненной силой, или одушевлены какой-нибудь душою, но первоначально произошли и въ настоящее еще время происходят и поддерживаются только изслѣдствіе своеобразной, удавшейся, по милости обстоятельствъ, комбинаціи элементарныхъ веществъ (атомовъ) природы, подъ управленіемъ общихъ физическихъ и химическихъ силъ. — По его ученію, и представленіе, точно также, какъ всякая мысль и знаніе, возникаетъ изъ чувственного ощущенія, — слѣдовательно, составляетъ, какъ говоритъ Гольбахъ, только видоизмѣненіе *de la sensibilité physique* (физической чувствительности); но ощущеніе для него «отношеніе организма къ предметамъ» (Моленоттъ), между тѣмъ какъ *Système de la nature* принимаетъ его за опредѣленное измѣненіе въ нашемъ мозгу, производимое возбужденіемъ, получаемымъ нашими органами отъ внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ. Последнее сочиненіе, сообразно съ этимъ, опредѣляетъ воспріятіе (сознанное ощущеніе) такъ, что оно представляетъ потрясеніе, сообщенное внѣшнимъ органамъ извнѣ и отъ нихъ переданное въ мозгъ. Новѣйшій матеріализмъ (К. Фохтъ) пользуется, напротивъ, спеціально фізіологическимъ понятіемъ видѣленія и утверждаетъ, что представленія выдѣляются изъ мозга подобнымъ-же образомъ, какъ жолчь изъ печени и моча изъ почекъ, или (по формулѣ Моленотта) мысль есть движеніе или обитъ мозгового вещества. — По *Système de la nature*, воли — это такое «видоизмѣненіе» нашего мозга, которымъ члены организма побуждаются къ дѣйствію, т. е. къ движенію, чтобы достигнуть того, что видоизмѣнить его согласно съ его сущностію; но, по новѣйшему матеріа-

лизму (Молешоттъ), воля есть «необходимое выраженіе нѣкотораго состоянія мозга, обусловленнаго внѣшними вліяніями». — Поэтому и по тому, и по другому ученію, не можетъ быть и рѣчи о свободѣ воли; напротивъ, и по тому, и по другому, грѣхъ и преступленіе — это только слѣдствія болѣзненнаго или ненормальнаго состоянія мозга. Короче, между тѣмъ какъ *Système de la nature* стремится только вообще показать, что человѣкъ есть твореніе природы, образованное и опредѣленное природою, подчиненное ея законамъ, неспособное даже и мысленно выйти за предѣлы великаго цѣлаго, часть котораго онъ составляетъ, — новѣйшій матеріализмъ подробно объясняетъ, что человѣкъ есть и на-сколько онъ есть «только сумма родителей и мамы, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды», или (по болѣе краткой формулѣ Л. Фейербаха) — человѣкъ «только то и есть, что онъ ѣстъ».

Не трудно доказать, что эти положенія, по своимъ *выводамъ*, уничтожаютъ самый матеріализмъ, какъ научную теорію, потому что, логическимъ образомъ, въ-силу этихъ положеній, не можетъ быть и рѣчи объ истинномъ и ложномъ пониманіи, мнѣніи, предположеніи; передъ ними истина и неистина падаютъ до степени пустыхъ названій безъ смысла и значенія, потому что также точно, какъ нелѣзно было бы говорить объ истинномъ или не истинномъ отложеніи мозговаго вещества, истинномъ или не истинномъ выдѣленіи жолчи, или объявлять эту мочу истинной, а ту не истинной, также точно безсмысленно, съ матеріалистической точки зрѣнія, различать истинныя и не истинныя представленія, слѣдовательно, также точно не только совершенно произвольно, но и противорѣчить само себѣ, завѣреніе, когда матеріалистъ объявляетъ свои мысли и положенія истинными, а мысли и положенія противниковъ не истинными. Если мысль и всякое сочетаніе мыслей представляетъ только результатъ простаго естественнаго процесса, который, какъ такой, при данныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, долженъ послѣдовать неизбежно такъ, а не иначе, то *всѣ* мысли, *всѣ* понятія, сужденія, умозаключенія имѣютъ *абсолютно одинаковое* право: ни чему не можетъ быть отдано предпочтеніе предъ другимъ. Если они разнятся одно отъ другаго въ формѣ и содержаніи, то основую ихъ различія могутъ быть только различныя обстоятельства и условія, участвующія при процессѣ ихъ происхожденія. Поэтому, различіе можно полагать развѣ только между благо-

приятными и неблагоприятными обстоятельствами, напр., между нормальнымъ и ненормальнымъ свойствомъ мозга, выделяющаго мысли. Но не говоря уже о томъ, что, очевидно, въ высшей степени произвольно называть мысли, произведенныя нормальнымъ мозгомъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, истинными, а другія не истинными, материализмъ и этого различія не можетъ признать, не противорѣча себѣ. Для него нѣтъ никакихъ благоприятныхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствъ, никакого нормальнаго и ненормальнаго свойства мозга, потому что о неблагоприятныхъ обстоятельствахъ тогда только можетъ быть рѣчь, когда предполагается, что долженъ послѣдовать опредѣленный результатъ, но что, мѣшающими противодействующими силами, онъ или задержанъ въ своемъ наступленіи, или измѣненъ въ своемъ свойствѣ, умаленъ, искаженъ. Но, по материалистическому взгляду, все происходящее представляетъ только результатъ *случайной* комбинаціи веществъ и силъ, слѣдовательно, имѣетъ *вполнѣ одинаковое* значеніе, — и потому совершенно *все равно* что ни произошло бы: одна комбинація обстоятельствъ столь-же хороша или столь-же дурна, какъ и другія. Различеніе благоприятныхъ и неблагоприятныхъ отношеній приходится, впрочемъ, въ противорѣчій не только съ основнымъ воззрѣніемъ материализма, но и съ опытомъ, съ явными фактами, на которые материализмъ, однако, исключительно опирается, потому что мы каждый день бываемъ свидѣтелями, что, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, различные люди совершенно различно понимаютъ и обсуждаютъ одно и то-же дѣло. Слѣдовательно, въ этихъ случаяхъ, различіе можетъ основываться только на различномъ состояніи или на различномъ свойствѣ мозга и нервной системы участвующихъ лицъ. Но различные состоянія и свойства, по основному материалистическому воззрѣнію, необходимо опять-таки совершенно равноправны. Признаніе нормальнаго мозга съ нормальнымъ свойствомъ, съ нормальными состояніями и отправленіями, съ нормальными ощущеніями и представленіями, съ понятіями и сужденіями, представляетъ явное противорѣчіе съ основными предположеніями материализма, потому что о нормальномъ мозгѣ можетъ быть рѣчь только тогда, когда признаютъ, что для происхожденія и образованія мозга въ основѣ лежитъ опредѣленная норма, по которой онъ развивается повсюду, гдѣ содѣйствующіе факторы дѣйствуютъ безъ помѣхи или задержки. Но материализмъ